

Марджери
Эллингем

ЗАБОТА
КОРОНЕРА

« А З Б У К А »

Расследование ведет Альберт Комптон

Альберт Кэмпиион

Марджери Эллингем

Забота коронера

«Азбука»

1945

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Эллингем М.

Забота coronера / М. Эллингем — «Азбука», 1945 — (Альберт Кэмпиион)

ISBN 978-5-389-34128-9

Марджери Луиза Эллингем – английская писательница, принадлежащая «золотому веку английской литературы», признанная «королева детектива» наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Она выделялась на фоне других авторов этого жанра, по выражению Агаты Кристи, «как горящая лампа». Продолжается Вторая мировая война. Мистер Кэмпиион, выполнявший секретную миссию за границей, получает долгожданный отпуск. Он возвращается в Лондон, предвкушая встречу с женой и маленьким сыном, но находит у себя в квартире... филиал морга. Более того, его другу – аристократу, меценату, а ныне военному летчику – грозит обвинение в убийстве.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34128-9

© Эллингем М., 1945
© Азбука, 1945

Содержание

Забота коронера	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марджери Эллингем

Забота coronера

Margery Allingham
CORONER'S PIDGIN

Copyright © 1945 by International Literary Properties UK Limited, through its subsidiary
Worldwrites Holdings Limited

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and
The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Забота коронера

Глава 1

Двое, мужчина и женщина, осторожно несли вверх по лестнице чудовищный груз – мертвое тело. Вечер только начался, но в узком помещении царил сумрак, наполненный тенями. К потемкам добавлялся холод. Здесь было даже холоднее, чем на полупустых улицах военного Лондона.

Участники этой маленькой скорбной команды кряхтели и шумно дышали: давал себя знать пожилой возраст обоих. Громоздкий мужчина с непроницаемым лицом был лондонским кокни, чья неуклюжесть резко контрастировала с утонченностью и аристократизмом женщины, испытывающей дикий дискомфорт от того, чем она сейчас занималась.

Пару – немыслимую в любой ситуации, включая и нынешнюю, – объединяло нелегкое дело, за которое они взялись, и обоюдное желание поскорее покончить с этим свалившимся как снег на голову кошмаром наяву. Из-за колоссального напряжения, сопровождавшего каждый шаг, их ноги не ощущали ковровой дорожки, устилающей ступеньки, а мышцы рук так онемели, что не чувствовали вообще ничего.

Мистер Лагг, облаченный в поношенную форму сил гражданской обороны, с одобрением думал о старухе: «Хоть и маркиза, а держится молодцом!»

– Еще один марш, – пробормотал он.

– Тише, – шикнула на него леди Карадос и едва слышно добавила: – Неужели нельзя держать так, чтобы ее ноги не волочились по полу?

А тем временем в квартире на верхнем этаже ничего не подозревавший мистер Альберт Кэмпбелл наслаждался теплой ванной, полностью отключившись от происходящего в мире.

Он нежился в пенной воде, наконец-то полностью расслабившись после долгого пути домой, который начался два месяца назад. Впервые за все это время Кэмпбелл был по-настоящему счастлив, а все его тревоги сводились к тому, чтобы случайно не задремать и не опоздать на поезд. Он долго лежал не шевелясь, и его худощавое тело по полной использовало эту великолепную возможность для отдыха.

За минувшие три года он немного изменился. Жгучее солнце окончательно выбелило его светлые волосы, внеся некую новизну в привычный облик. На исхудавшем лице появились новые морщинки, и одновременно ушло то обманчивое выражение отрешенности, так раздражавшее тех, кто сталкивался с Кэмпбеллом впервые. Но уголки тонкого рта были по-прежнему приподняты, а в бледно-голубых глазах сохранялось выражение неподдельного изумления, которое люди часто понимали превратно.

Сейчас Кэмпбелл практически ни о чем не думал. Колесики в его мозгу поворачивались очень медленно: тик-тик, тик-тик, тик-тик. Ценой большого умственного напряжения он рассчитал, что может оставаться в ванне еще пятнадцать с половиной минут, после чего двадцать минут уйдут на одевание, еще двадцать – на припоминание всего того, чего нельзя забыть, и, наконец, двадцать минут – на путь от квартиры до поезда. С его нынешней точки зрения, эта была прекрасная, роскошная, цивилизованная программа.

В Лондоне мистер Кэмпбелл появился ровно час и десять минут назад и попросту не успел увидеть и оценить перемены, произошедшие в этом великом городе. Но он уже подпал под обаяние его старины и даже по запахам ощущал, что столица находится в относительной безопасности, сохраняет прежнюю респектабельность и предельно адекватно реагирует на проис-

ходящее. Кэмпиион почувствовал громадное облегчение, поскольку, наслушавшись рассказов, думал, что застанет город в худшем положении.

Последние три года он провел преимущественно на двух воюющих континентах, выполняя правительственное задание, настолько секретное, что сам так и не смог понять, в чем оно заключалось. Во всяком случае, такая версия у него была приготовлена на случай расспросов, и она казалась ему вполне благоразумной. Меж тем он ощущал невероятную усталость.

Одна стена ванной граничила с лестницей, и мистеру Кэмпииону показалось, будто с внешней стороны слышалось какое-то подозрительное шарканье, но он тут же успокоил свою настороженность, напомнив себе, что находится в Лондоне, где подобные звуки имеют вполне прозаические объяснения. Слегка шевельнувшись, Кэмпиион подвигал руками, словно плавниками, и вспомнил, как в детстве, лежа в ванне, изображал «спящую рыбу». Ближайшее будущее представлялось ему прекрасным и спокойным. Впереди – полтора месяца отпуска, которым он неспешно насладится, но в этой неспешности тайлось приятное волнение. В настоящий же момент он мог позволить себе не смотреть на часы.

Звук открывшейся входной двери и раздавшиеся шаги ничуть не удивили мистера Кэмпииона. Значит, Лагг получил телеграмму, отправленную ему из порта. Прекрасно. Приятно будет взглянуть на «старого злодея», верно служившего ему столько лет, хотя характер у Лагга далеко не сахарный, как и язык. Стараниями слуги в квартире поддерживался порядок. Окна в спальне, пострадавшие от бомбардировок, были аккуратно заделаны фанерой, и Кэмпиион не ожидал застать свое жилище таким чистым.

Он уже хотел громко поздороваться с Лаггом, как вдруг услышал новые и весьма странные звуки. Казалось, кто-то стремительно взбежал по лестнице и схватился за закрывающуюся дверь, отчего та лязгнула. Затем раздались невнятные ругательства и, наконец, незнакомый женский крик.

Мистер Кэмпиион медленно сел в ванне.

Совсем рядом еще один незнакомый и, похоже, принадлежащий пожилой женщине голос умоляюще произнес:

– Успокойся, дорогая. Пожалуйста, успокойся.

Затем слышались возня, шарканье ног, шепот, открылась и закрылась дверь внутри квартиры.

Первой мыслью Кэмпииона было снова улечься в ванну и спрятаться под покровом мыльной пены, но, сочтя этот порыв негодным, он осторожно вылез и, завернувшись в полотенце, стоял и слушал. Судя по звукам, состав «комитета по торжественной встрече» переместился из коридора в гостиную. Голоса зазвучали громче, однако слов было не разобрать.

Раздосадованный, мистер Кэмпиион стал неохотно вытираться. Не то чтобы он был против маленького знака внимания по случаю своего приезда. Наоборот, ему не терпелось встретиться с давним другом и слугой в одном лице. Но зачем старик созвал гостей? И кого Лаггу вздумалось пригласить?

Поскольку халата в ванной не оказалось, Кэмпиион, завернувшись в несколько полотенец, на цыпочках устремился в спальню за халатом. Дверь гостиной была закрыта, но там неумолчно шептались. Он как можно тише вошел в спальню и направился напрямик к гардеробу. Уцелевшие части стекол почти не пропускали свет, и комната тонула в полумраке. Мистер Кэмпиион отыскал халат и, только когда затягивал кушак вокруг своего тощего торса, вдруг оторопел, заметив некую странность: на его кровати появился какой-то длинный сверток. Сначала ему показалось, что это скатанный в плотный рулон ковер, и Кэмпиион мысленно отругал себя за неуместную взбудораженность. Однако, подойдя ближе, он похолодел от дурного предчувствия. Зрелище, открывшееся его взору, было до чудовищного невероятным.

На кровати лежала женщина, причем мертвая. Никаких сомнений тут быть не могло: жизнь однозначно покинула это тщедушное тело. Скорее всего, при жизни покойница счита-

лась хорошенькой, хотя и несколько блекловатой. Возможно, она была ясноглазой и легковозбудимой. Впрочем, сейчас это уже не имело никакого значения. Теперь ее веки были плотно сомкнуты, рот застыл, образовав жуткую букву «О», а заострившийся нос напоминал лезвие ножа.

На женщине было длинное серое пальто с воротником из беличьего меха, а под пальто – черная шелковая ночная сорочка. На ногах – простые, практичные серо-черные кожаные туфли на низком каблуке. Одна нога была неестественно вывернута коленом наружу и чуть приподнята над покрывалом. Трупное окоченение, сковавшее тело, подсказывало: смерть наступила не час и не два назад. Руки, сложенные на груди, выглядели до абсурдного нелепо.

Кэмпиион стоял и отупело пялился на покойницу, которую видел впервые. Более того, каких-то полчаса назад, когда он наполнял ванну, ее не было ни в спальне, ни вообще в квартире. Те, кто ее сюда принес, сейчас перешептывались в гостиной. Первой отчетливой мыслью, пробившейся сквозь фейерверк вопросительных знаков, мелькавших в мозгу Кэмпииона, было: что бы ни случилось, кем бы ни являлась эта несчастная, он ни в коем случае не должен опоздать на поезд. Поезд – вот что важно. Отпуск был его честно заслуженной и нелегко доставшейся наградой.

И тем не менее он едва ли мог игнорировать возникшую ситуацию. Еще крепче подпоясав свой яркий халат, мистер Кэмпиион вышел в коридор и открыл дверь гостиной. Он не вошел, а, повинувшись выработавшейся привычке соблюдать элементарную осторожность, остановился на пороге.

– Боже мой! – раздался пронзительный женский вопль.

В этом крике было что-то суеверное и явно паническое. Едва войдя, Кэмпиион оказался перед тремя испуганными людьми: Лаггом, одетым в форму спасательного отряда, и двумя потрясающими женщинами, из тех, что встречаются нечасто.

Кричала девушка. Он сразу это понял по ее побледневшему, застывшему от страха лицу и распахнутым синим глазам. Но это никак не мешало ей по-прежнему оставаться прелестной: фарфоровая кожа, изящные скулы, пухленькие губки. Однако больше всего Кэмпииона поразила молодость незнакомки. Девушке было никак не больше двадцати. Шок, который она испытывала, по всей видимости, не давал пролиться слезам.

Взглянув на другую женщину, значительно старше первой, Кэмпиион с удивлением понял, что знает ее. Впрочем, она была к этому готова. Испуганная и в то же время исполненная решимости, хотя случившееся выбило ее из колеи, женщина, однако, и в таком состоянии оставалась красавицей эдвардианской эпохи, по-прежнему молодой во всем, кроме возраста. Она все так же была полна жизни и склонна к авантюризму, ее все так же переполняли эмоции. Вот только свои года она носила с грустью, словно неподобающий наряд, из которого намеревалась выжать максимум элегантности. В общем, это была заметная личность. Пытаясь вспомнить, кто она такая, Кэмпиион, к своему неудовольствию, поймал себя на том, что думает о портрете миссис Сиддонс¹ кисти сэра Джошуа Рейнольдса². Женщина не делала попыток заговорить. Точно оцепенев, она смотрела на Кэмпииона пустыми глазами.

Хозяин квартиры повернулся к единственному из троих, кого давно и хорошо знал. Мистер Лагг тоже был испуган. Его трясло, а на широком бледном лице застыло недоумение, словно и он не мог поверить, что участвует во всем этом. Кэмпиион встретился с ним глазами – и трехлетней разлуки как не бывало.

– И давно та леди находится в моей спальне? – поинтересовался он.

¹ Сара Сиддонс (1755–1831) – известная английская трагикомическая актриса.

² Джошуа Рейнольдс (1723–1792) – известный английский художник.

Лагг открыл было рот и тут же закрыл, не произнеся ни слова. Он беспомощно оглянулся по сторонам, что совсем не соответствовало его характеру, и наконец обратился к хозяину без малейшей язвительности в голосе.

– Я не знал, что вы вернулись, – сокрушенно признался он.

– Ладно, все нормально, – отозвался Кэмптион, почувствовав облегчение. – Я снова уезжаю. Заскочил домой между поездами, чтобы принять ванну. Продолжайте так, словно я здесь вообще не появлялся.

– Нет, погодите. – Лагг умоляюще взмахнул огромной ручищей. – Это здорово, что вы приехали. Я хотел бы переговорить с вами наедине. Не возражаете?

Они бы ушли, однако женщина, напомнившая мистеру Кэмптиону портрет миссис Сидонс, совладала с собой и вмешалась.

– Так вы – мистер Кэмптион? – учтиво спросила она. – Боюсь, мы доставили вам сильное неудобство. По-моему, мы прежде не встречались. Но я часто слышала о вас от моего сына Джона. Его фамилия Карадос. Вы его знаете.

Это была очень честная попытка. Великосветские гостиные начала двадцатого века являлись суровым учебным плацем, и сейчас в ее спокойном голосе и непринужденной манере на мгновение проявилась прежняя стоическая галантность. Мистер Кэмптион ощутил неподдельное изумление. Если Джон, маркиз Карадос, ее сын, значит она – не кто иная, как вдовствующая маркиза Эдна Карадос. В прошлом – очаровательная Эдна Доулиш, дочь старого Генри Г. Доулиша, хлопкового короля того золотого века, что предшествовал мировым войнам. Неудивительно, что Кэмптион ее узнал. Он должен был это сделать. Ее фотографии сменили снимки миссис Лэнгтри, когда Джерсейская Лилия³ начала увядать. Они появлялись в каждом журнале и украшали витрины магазинов по всей стране. Молодая невеста всполошила тогда все лондонское общество. Добавьте к этому ее богатство и живой характер. Все это за какой-то год породило о ней целый шквал романтических историй.

Когда мистер Кэмптион переварил то, что подсказала ему память, он пережил второй шок, вызванный фантастичностью сложившейся ситуации, и с трудом взял себя в руки.

– Да, конечно, – тупо пробормотал он. – Чувствуйте себя как дома. Скажите, а Джонни сейчас в Лондоне?

В этот момент кивки и гримасы Лагга, которыми тот привлекал к себе внимание, сменились громким сопением. Леди Карадос повернулась к нему. Толстяк был еще бледнее, чем прежде, а его глазки умоляюще смотрели на маркизу.

– С вашего позволения, мне необходимо поговорить с хозяином, – пробухтел он. – Я же привез вас сюда. Что обещал – сделал.

– Конечно, – кивнула она и села. – Мистер Лагг, расскажите мистеру Кэмптиону все как было. Я не хочу снова это слушать. Боюсь, мы нуждаемся в помощи.

Лагг хранил молчание, пока они с Кэмптионом не прошли в гардеробную за ванной, где последний оставил свою одежду.

– Тут такое дело, хозяин, – выпустив эмоциональный пар, напряженно заговорил Лагг, – ясно, что завязли мы по уши. И вы появились как нельзя кстати.

Мистер Кэмптион застегивал последние пуговицы на рубашке. Его волосы оставались всклокоченными, но глаза смотрели твердо и решительно.

– Друг мой, я не шучу, – уже мягче сказал он слуге. – У меня через пятьдесят минут поезд, и целая тысяча трупов, пусть и с коронами на головах, не помешает мне уехать. Насколько понимаю, у вас всего один?

³ Джерсейская Лилия – прозвище Лили Лэнгтри (1853–1929), английской актрисы и светской львицы.

– Ага, всего один, – рассеянно подтвердил Лагг, но тут же спохватился: – Сейчас нам не до шуток. Думаю, вы вдоволь нашутитесь за границей. Дело серьезное. В Англии труп – это по-прежнему труп. Нам зададут кучу вопросов.

– Догадываюсь, – сухо заметил мистер Кэмпиион. – А вас всех, смотрю, война закалила, хотя вы и не видели сражений. Лагг, как вообще все это понимать? Кто та мертвая женщина?

– Мы сами не знаем, – пожал плечами мистер Лагг, немало удивив хозяина. – Отсюда и вся закавыка.

Кэмпиион, зашнуровывавший ботинок, приподнял голову. Его лицо было непривычно сосредоточенным.

– Представьте, что вы даете показания.

Лагг по-прежнему мешкал.

– Ладно, – наконец буркнул он, решившись на признание. – Дело было так. Я уже почти год торчу на площади...

– Вы имеете в виду Карадос-сквер?⁴

– Ага. Дежурю я там, понимаете? Бывает жарко, а бывает полное затишье. Но по большей части делать мне на дежурстве нечего, и мы с моей старухой попросту скучаем.

– У вас появилась старуха?

– Моя свинья. Мы держим хрюшек. В смысле ребята из спасательных отрядов.

– И на Карадос-сквер тоже?

– Само собой. Эти животные помогают искать людей под завалами.

– Понятно, – пробормотал Кэмпиион, сосредоточившись на втором ботинке.

– Да вы ж не в курсе, – покровительственным тоном проворчал Лагг. – Ничего, быстро нагоните.

– Надеюсь. Продолжайте.

– Вот я и продолжаю, а вы, хозяин, внимательно слушайте. Кое-что не так просто понять. Так вот, леди Карадос – та женщина в гостиной – живет на площади, на той стороне, что до сих пор стоит.

– Полагаю, остальным трем сторонам повезло меньше?

Кэмпиион не удержался от вопроса, поскольку перед его мысленным взором вдруг всплыли красивые особняки с изящными окнами и арками портиков. Центр площади занимал один из лучших садов города, а дома, словно часовые, охраняли его зелень.

– От других сторон мало что осталось, – лаконично подтвердил Лагг. – Но часть, где сын ее светлости жил раньше, осталась. Туда-то мы и приходим дежурить.

Значит, и от дома Джонни Карадоса уцелела только часть. Кэмпиион снова воссоздал в памяти особняк Карадосов, убранством которого занимался Джордж Квеллет в свой бакстовский⁵ период. Трудно представить, что от великолепного здания осталась только часть. Лучше всего Кэмпиион помнил музыкальный салон, находившийся на верхнем этаже. Вероятно, теперь этого шедевра нет, и красные индийские портьеры, позолота и нежные зеленые тона превратились в груды обугленного мусора.

Пусть у музыкального салона была совсем недолгая жизнь, зато какая славная! Для Джонни он был чем-то вроде штаб-квартиры, откуда сын леди Карадос управлял своими фантастическими замыслами. Конечно, при таком происхождении и таких финансовых возможностях Карадос мог позволить своему гению развернуться во всю мощь. Но маркиз никогда не сорил деньгами и не тратил их понапрасну. Зато был щедрым меценатом. Он финансировал чешскую балетную труппу, создал Музей вин, помог встать на ноги Обществу пастельной живописи, вложил деньги в первые лондонские концерты Золли и возродил Сицилийский зал.

⁴ Карадос-сквер – площадь придумана автором.

⁵ То есть находившийся под влиянием русского художника Леона Бакста (1866–1924).

Более того, Джон Карадос заботился и о своем личном мастерстве, став одним из опытейших пилотов-любителей первой половины двадцатого века. Кэмпиону он запомнился умением вдохновлять и собирать вокруг себя людей с мозгами и фантазией. Невзирая на молодость и богатство, он не был дилетантом в том, за что брался. Джон ценил дружбу и поддерживал своих друзей. В его доме жили Питер и Гвенда Ониер; Питер заведовал финансами Карадоса, а Гвенда была у мужа секретарем. Кэмпион стал вспоминать и других обитателей дома. Например, странное малозаметное создание по имени Рикки Сильва, который, насколько известно, занимался исключительно цветами. Вспомнилась и высокая приветливая дамочка – личный секретарь Джонни, а вот ее имя Кэмпион напрочь забыл. Имелся еще так называемый Капитан Голд – легендарная личность, управлявшая домом и слугами. Все они представляли собой занятное сообщество людей почти одного возраста, обладавших незаурядным интеллектом. Пожалуй, самое спаянное из всех маленьких сообществ, характерных для светской жизни довоенного Лондона.

У Карадоса был свой, великолепный и экстравагантный, образ жизни. Звезда мюзик-холла Эванджелина Сноу так и не вышла за него, но всегда находилась рядом, а Джонни в конечном счете хранил ей верность.

Яркая картинка прошлого померкла в пыли и развалинах военного настоящего. Мистер Кэмпион несколько раз моргнул, прогоняя воспоминания. Ничего удивительного: война разделила многих, и он не был исключением. Потом Кэмпион вспомнил, как краем уха слышал новость о зачислении Джонни в состав военно-воздушных сил. В таком-то возрасте! Это казалось невероятным, однако послужной список пилота-любителя сыграл свою роль, и Карадоса взяли. Военная служба вырвала маркиза из привычного окружения. К счастью, никто из друзей маркиза не погиб, но бомбардировки не обошли стороной и его особняк.

– А где Карадос сейчас? – спросил Кэмпион, поворачиваясь к Лаггу.

– Его светлость? Сдается мне, у себя дома. Два нижних этажа и подвал уцелели. Он как раз был там, когда мы выносили труп.

Крупное бледное лицо Лагга все сильнее мрачнело.

– Да уж, вляпались мы по полной, – заключил он. – И девчонка появилась совсем некстати, не говоря уже про вас. Все наперекосяк пошло. А хотели сделать по-тихому, без шума.

– Я пока ничего не понял, – пожал плечами мистер Кэмпион. – Пожалуйста, продолжите с того места, когда вы сидели на дежурстве в своем свинарнике.

Последнее слово задело Лагга.

– Это не только свинарник! Вообще-то, это пункт противовоздушной обороны. Слыхали, поди, о героях блицев⁶. Пункт поставили посреди площади, где раньше травка зеленела. Там-то я и познакомился с ее светлостью. Пока длились блицы, она на добровольных началах держала рядом магазинчик для солдат. Потрясающая женщина, доложу я вам! Леди без нервов. Мы с ней всегда очень вежливо общались. Естественно, когда случилась беда, к кому же еще ей было обращаться? Ясное дело, ко мне. Вдобавок она знала, что я присматриваю за вашей квартирой, чтоб был порядок. Наверное, и это сыграло свою роль. Сами знаете, у вас репутация. Вот я и решил немного в этом поучаствовать.

Лагг умолк и с вызовом посмотрел на хозяина, но не увидел на лице Кэмпиона ни поддержки, ни симпатии.

– Когда ее светлость обращалась ко мне, я ей помогал, – вздохнул он. – Более того, я считал это своим долгом.

⁶ Речь идет о «лондонских блицах» – серии ночных налетов немецкой авиации на Лондон в 1940–1941 гг.

– Хорошо, будем надеяться, вы не помогали хладнокровной и лишенной нервов маркизе в дегустации виски, – остроумно заметил мистер Кэмпиион. – Итак, сами вы не знаете, кто покойница. А ваша именитая сообщница знает?

– Нет. Она тоже не знает. Потому-то и взбудораженная такая.

Мистер Кэмпиион надел пальто.

– А вы хотя бы знаете, как умерла эта женщина?

– Разумеется. Насчет этого не волнуйтесь. Никакой мокрухи, – безапелляционно заявил Лагг. – Все в порядке. Вы меня знаете не первый день. Я бы в опасное дело не сунулся.

Кэмпиион с уважительным изумлением посмотрел на старого друга.

– Не знаю, насколько беспечной стала наша старая добрая Англия за мое отсутствие, но вы с маркизой, похоже, слишком легкомысленно относитесь к трупам. По сравнению с местами, где я был, это заметно. У вас уже есть свидетельство о смерти? Или вы намеревались прямо из моей квартиры отправиться на кладбище и устроить тихие похороны?

– Нет, хозяин. Нет. Не успели. – Лаггу было не по себе. На мгновение в его глазках снова промелькнула тревога. – По правде говоря, врача мы еще не вызывали. Но я, само собой, намеревался. Это было самоубийство, если желаете знать. Чистой воды суицид. Рядом с телом нашли пузырек с какой-то дрянью и все такое.

На Кэмпииона это не произвело впечатления.

– Понимаете, нам пришлось ее вытащить, потому что она лежала в его кровати, – продолжил Лагг, всем своим видом показывая, что говорит правду. – Выглядело это... сами понимаете как. Особенно когда до свадьбы остается всего ничего: намечена на послезавтра.

К счастью, позади мистера Кэмпииона находился стул, на который он и плюхнулся.

– В чьей кровати? – Его глаза округлились.

– Его светлости.

– В кровати Карадоса?!

– Ну да. Я же вам говорю.

– А чья свадьба?

– Само собой, его. Там, где вы были, нет газет, что ли? – Голос Лагга становился умоляющим. – Во всех газетах печатались снимки их обоих. Он в форме, при всех регалиях. Она – совсем молоденькая, на вид больше четырнадцати не дашь, и вся такая хорошенькая. Я собираюсь на торжество, – скромно добавил старик, – если вылезу из этой заварухи.

Мистер Кэмпиион изо всех сил старался переварить услышанное, обрушившееся на него столь неожиданным образом. Его удивила не столько сама свадьба, сколько одно несоответствие, о котором Лагг упомянул как бы невзначай. Кэмпиион очень симпатизировал Эванджелине, но не мог поверить, чтобы она выглядела на четырнадцать лет. Данным сомнением он незамедлительно поделился с Лаггом.

Бравый боец спасательного отряда был весьма озадачен.

– Ее зовут Сьюзен, – сказал он. – Хм, но теперь я, кажется, понял, чему вы удивляетесь, хозяин. Его светлость женится не на мисс Сноу, а на другой. На одной из водительниц санитарных машин. Адмиральской дочке. Про ее отца-героя тоже писали в газетах. Потопленный «Принц Отто» – его заслуга. Да вы ее видели в гостинной. В том-то вся и беда. Или часть беды, – хмуро добавил толстяк.

– А как эта... Сьюзен попала в вашу историю?

– По грубой ошибке! – с жаром приступил к объяснениям Лагг. – С этой покойницей с самого начала было не так, как надо. Неудивительно, что все пошло криво. Всем нам урок. Днем Сьюзен сменилась с дежурства. Сменщицы у нее не было, поскольку в последние недели вроде стоит затишье. Когда водителей нет, я присматриваю за машиной скорой помощи. По правде говоря, нынче так спокойно, что я по большей части дежурю на пункте один.

– То есть вы привезли сюда покойницу на машине скорой помощи, – начал понимать мистер Кэмпиион. – Леди Карадос взяла вас в помощники, поскольку вы – единственный, кто мог не вызвать подозрений у полиции. Уже легче. Значит, маркиза не совсем спятила.

И вновь его слова задела Лагга.

– Она обратилась ко мне, так как знала, что может мне доверять, – заявил слуга. – Но я не говорю, что санитарная машина нам не помогла. Не на такси же везти, чтобы шофер потом языком трепал! А своих машин нынче ни у кого нет. Маркиза хорошо придумала, и у нас все получилось бы, не появись на площади девчонка. Мы как раз отъезжали.

– И она поехала за вами следом?

– Ага, поехала. – Лагг разрывался между восхищением и возмущением. – Девушка она ответственная. Попадают среди молодняка такие. Как увидела, что ее машину угоняют, а за рулем сидит женщина... я-то в фургоне пребывал, рядом с трупом... Словом, она заподозрила нас в краже и поехала следом на такси. Мы едва успели дотащить тело до квартиры, как она взлетела наверх и стала колотить в дверь. А когда увидела, что мы привезли, перепугалась. Мы пытались ее успокоить, и тут вы вошли.

Мистер Кэмпиион промолчал. Взглянув на часы, он обнаружил, что через двадцать минут должен отправляться на вокзал. Ситуация была жуткой, с мрачными последствиями, впечатляющими участниками и глупыми объяснениями. Все это лишило его дара речи.

Лагг, переминаясь с ноги на ногу, из-под прикрытых тяжелых век наблюдал за хозяином. Голоса в гостиной умолкли. В квартире стало тихо.

– Поначалу все шло очень даже неплохо, – прогундосил толстяк. – Мы с маркизой сделали бы как надо, – комар носу не подточит. А теперь эта девушка встряла, не говоря уже про вас. Осложнили вы оба нам задачу.

Мистер Кэмпиион внимательно посмотрел на своего давнего друга.

– Кроме нас, есть и другие, – заметил он. – Сотни других, которые услышат эту историю, рассказанную по секрету. Дружище, неужели вы думали, что такое дело можно обтяпать втихаря? Вы только представьте... – Кэмпиион не договорил, прислушавшись.

Кто-то поднимался по лестнице. Шаги были быстрыми и уверенными. Идущий, двигаясь в одном темпе, целеустремленно приближался к их этажу.

Глава 2

Стук в дверь поначалу был тихим, почти робким, тем не менее присутствующие восприняли его как раскат грома или артиллерийский залп. Напряженные перешептывания в гостиной резко стихли. Кэмпиион уловил отголосок страха, охвативший собравшихся. Лагг, стоявший рядом, замер, на его лбу вздулись вены. Остальные тоже будто оцепенели. Никто не сдвинулся с места даже тогда, когда стук повторился, и уже гораздо решительнее.

Снаружи в квартиру долетали слабые звуки с улицы, знакомые и привычные: сигналы клаксонов, скрип тормозов, крики продавцов газет, сообщавших новости. Но все это происходило далеко и принадлежало другому миру. А внутри квартиры царила тишина. Четверо живых, находившихся в ней, словно уподобились покойнице в спальне.

Третья серия стуков была неистовой. К ним добавилось дребезжание электрического звонка: резкое, напоминающее сирену. Желавший попасть в квартиру давил на кнопку и одновременно молотил кулаком по филенке двери. Поскольку изнутри по-прежнему не было ответа, назойливый гость стал дергать дверную ручку. Потом дверь угрожающе скрипнула, словно на нее налегли плечом.

Последнее заставило мистера Кэмпииона поднять голову и переглянуться с Лаггом.

– Боюсь, сюда явились неспроста, – пробормотал хозяин квартиры. – Обождите! – крикнул он, отвечая на попытки выломать дверь. – Что случилось?! Почему вы так настойчиво рветесь сюда? – Подойдя к двери, Кэмпиион распахнул ее, но не отошел в сторону, отчего чуть ли не нос к носу столкнулся с возмутителем спокойствия.

На пороге стоял молоденький лейтенант армии Соединенных Штатов. Увидев Кэмпииона, он испытал не меньшее ошеломление, чем сам хозяин при встрече со странным гостем. Офицер отступил на шаг, но весь его облик и особенно покрасневшее решительное лицо ясно свидетельствовали о намерении попасть в квартиру.

– Приношу свои извинения, – учтиво произнес он. – Полагаю, миссис Шеринг находится здесь. С вашего позволения, я бы очень хотел ее видеть.

Он демонстрировал терпение и напускную вежливость, хотя уверенностью и напором мог соперничать с танком.

Кэмпиион недоверчиво посмотрел на него.

– Не знаю, о ком вы говорите... – проговорил он. – Если только это... Скажите, как она выглядит?

Мальчишечье лицо лейтенанта стало почти пунцовым, а серые глаза – вполне дружелюбные при других обстоятельствах – сердито вспыхнули.

– Она вошла в вашу квартиру около пятнадцати минут назад, – заявил американец. – Я немедленно хочу ее увидеть.

Прихожая была совсем маленькой, а парень имел внушительные габариты. Мистер Кэмпиион не двигался. Ситуация неумолимо заходила в тупик, как вдруг дверь гостиной распахнулась и оттуда с криком выбежала девушка. Ее глаза неестественно сверкали, лишь подчеркивая такую же неестественную бледность лица.

– Ох, Дон! – в отчаянии воскликнула она, не обращая внимания на Кэмпииона. – Забери меня отсюда!

Лейтенант рванулся к ней так, словно во всем мире они были одни. Этот чисто юношеский порыв пробудил у Кэмпииона симпатию к незваному гостю.

– Сюзен, дорогая, кто это? – Леди Карадос не вышла в прихожую, где и без нее хватало народу, и даже не повысила голос, но это ничуть не приуменьшило значительность ее личности.

Она сразу заняла главенствующее положение, и мистер Кэмпиион смог оценить всю необычность ситуации. Здесь находилась женщина, которая с раннего детства не привыкла к

препятствиям на пути своих желаний. Ее нельзя было назвать жестокой; просто все, что ей мешало или доставляло неудобств, не имело права на существование. Испуг маркизы еще не прошел, однако Кэмпиону показалось, что происходящее странным образом добавило ей сил.

– Думаю, всем лучше пройти в гостиную, – сказала она. – Сьюзен, ты мне не ответила. Кто этот человек?

Юная миссис Шеринг наконец взяла себя в руки, и Кэмпион, внимательно наблюдавший за ней, понял, что его первоначальное суждение об этой особе не соответствовало истине. Он был поражен, узнав о ее предыдущем замужестве, а сейчас Сьюзен выглядела еще моложе, чем он думал, и, надо заметить, еще красивее. Вдобавок она пыталась сопротивляться своей будущей свекрови, и леди Карадос оказалась в затруднительном положении, осложненном таинственным трупом, лежащим в спальне. Ох, непросто сейчас приходилось маркизе!

«Веселенькая история», – подумал мистер Кэмпион, с любопытством глядя на Сьюзен и гадая, не выдаст ли она ответных чувств к этому молодому человеку. Однако адмиральская дочь тоже прошла через вальцы воспитания, и потому ее лицо оставалось бесстрастным.

– Извините, – произнесла она, опутив глаза. – Дорогая, позвольте вам представить лейтенанта Дона Эверса. Дон, познакомься с леди Карадос.

Все было проделано вполне непринужденно и тем не менее отличалось от обычной церемонии знакомства. В обеих парах глаз читалась настороженность, и пожилая женщина жадно ловила мельчайшие изменения в выражении лица лейтенанта. Он не особо и таился, позволяя ей прочесть многое. Ошеломление, владевшее парнем, мешало ему заговорить.

– Боюсь, я не совсем поняла... – подняла брови маркиза и умолкла, ожидая его объяснений.

Американец начал что-то мямлить, и Сьюзен тут же взяла инициативу в свои руки.

– Дон находился здесь, внизу, – заявила девушка. – До этого мы вместе пообедали и он на такси подвез меня к нашему пункту. То есть официально я уже находилась на службе и поэтому, увидев, что санитарную машину, за которую я отвечаю, угоняют, просто не могла не последовать за угонщиками.

– Да, это так, – подтвердил Эверс, медленно выговаривая каждое слово. Он по-прежнему был полон сомнений по поводу случившегося, но держался достаточно храбро. – Так оно и было, – повторил он. – Когда Сью поняла, что ее машину угоняют, а за рулем сидит гражданское лицо, она решила задержать угонщицу. После ланча мы подъехали к пункту наблюдения на такси и еще не успели выйти. Я махнул шоферу, и мы помчались следом.

Леди Карадос, словно забыв о присутствии потенциальной невестки, не сводила глаз с молодого офицера.

– Вы видели, как люди выходили из машины скорой помощи возле этого дома? – резко спросила она.

И снова первой ответила Сьюзен:

– Нет, скорая свернула в тупик, но нас задержал светофор на перекрестке. Мы потеряли минуту или две, а когда подъехали сюда, машина уже стояла пустой. Я справилась бы и одна, но Дон настоял, что дождется меня. Только попав в квартиру, я увидела...

– Сьюзен, ты хочешь сказать, что увидела всех нас, – перебила ее леди Карадос.

Женщины пристально посмотрели друг на друга, и наблюдательному Кэмпиону вновь показалось, что юная миссис Шеринг обладает необычайной решимостью. И тем не менее девушка первой не выдержала молчаливого поединка. Она повернулась к парню и повторила просьбу:

– Дон, заberi меня отсюда.

– Обязательно, – кивнул он, подходя ближе и беря ее за руку. Вспомнив, что они здесь не одни, лейтенант извиняющимся тоном добавил: – Прошу прощения, но я так и не понял, что тут происходит.

Мистер Кэмпиион был готов пожать ему руку и, наверное, пожал бы, поддавшись обаянию американца, однако леди Карадосгнула свою линию.

– К сожалению, я вовсе не намерена отпустить вас прямо сейчас, – безапелляционным тоном заявила она, продемонстрировав былое величие.

– Но я должна уйти, – упиралась Сьюзен. – Должна. Во-первых, я нахожусь на дежурстве. А во-вторых, не могу оставаться ни одной лишней минуты с...

Миссис Шеринг вовремя прикусила язык и беспомощно уставилась на лейтенанта.

– С чем именно? – нахмурился Эверс.

Леди Карадос оставила его вопрос без внимания.

– Дорогая, – накрыла она руку Сьюзен своей, – мне очень жаль, но ты должна обождать здесь, пока не появится Джонни. И вы тоже, мистер Кэмпиион. – Леди Карадос повернулась к хозяину квартиры. – Когда тут столь неожиданно появилась миссис Шеринг, а потом и вы, я поняла, что совершила опрометчиво опасный поступок. Пока вы одевались, я позвонила сыну, и, к счастью, Джонни оказался дома. Он появится с минуты на минуту. Не скрою, я повела себя весьма неправильно, но в сложившейся невыносимой ситуации мои действия показались мне наилучшим вариантом. – Признание было сделано таким образом, словно леди Карадос не брала на себя ответственность, а, наоборот, снимала.

– Сюда приедет Карадос? – Дон Эверс тупо посмотрел на престарелую аристократку.

– Да, – подтвердила леди Карадос так, словно говорила с ребенком. – Говорю вам, будет с минуты на минуту. Когда Джонни приедет, все решится наилучшим образом. Нужно лишь его дожидаться.

Мистеру Кэмпииону оставалось надеяться, что так оно и будет, поскольку сам он в этом сомневался.

Меж тем Эверс – единственный, кто и понятия не имел, какая проблема собралась вместе всех этих людей, – вспомнил о своих делах.

– Сью, у меня нет желания здесь оставаться, – без обиняков заявил он.

Девушка молча взяла его за руку, и мистер Кэмпиион получил ответ на один из вопросов, касающихся ее: молодые люди влюблены друг друга, но пока это оставалось их тайной.

Кэмпиион взглянул на часы. Через пятнадцать минут он должен выходить. Что бы ни случилось, не может быть и речи о задержке. Через тридцать пять минут он просто обязан находиться в вагоне поезда.

В его мысленные подсчеты ворвался смех, донесшийся с лестницы, а затем и веселый женский голос.

– Вы рассказали Джонни? – спросил он у леди Карадос.

Она тоже вслушивалась, и выражение ее лица было столь же недоумевающим, как и у мистера Кэмпииона.

– Не всё, только часть. Такое по телефону не расскажешь. Я просто попросила его незамедлительно приехать.

– Понятно, – пробормотал мистер Кэмпиион и, услышав энергичный стук в дверь, добавил: – Что ж, мы дождались вашего сына. И явился он сюда не один, а в обществе Эванджелины Сноу.

Глава 3

Лагт открыл дверь и далее пропустил пришедших в гостиную. Вид у них был сочувственно-недоумевающий, какой бывает у всех, кого срочно позвали, не сказав зачем. Оказалось, что лорд Карадос привел с собой не одну, а двух женщин: Эванджелину Сноу и жизнерадостную молодую особу, которая в довоенные времена исполняла обязанности его личной секретарши в доме на Карадос-сквер. Ту самую, чье имя Кэмпион напрочь забыл.

На первый взгляд, Джонни Карадос показался ему моложе, чем прежде. Это был крупный мужчина; не сказать что слишком высокий и, уж конечно, не страдающий полнотой, но широкоплечий, с длинными руками, волевым подбородком и невозмутимо улыбающимися серыми глазами. Войдя и оглядев гостиную, Карадос приветливо кивнул Сьюзен, ободряюще улыбнулся матери и с изумлением уставился на Кэмпиона.

– Привет, – поздоровался он. – Вот уж никак не думал увидеть здесь тебя. Что ты тут делаешь?

– Вообще-то, я здесь живу, – спокойно ответил мистер Кэмпион. – Понимаешь, заглянул сюда после долгого отсутствия. Это моя квартира, – добавил он, больше ничего не объясняя.

– Ну да, конечно. – Карадос обезоруживающе улыбнулся. – То-то адрес показался мне знакомым. Я даже Эве об этом сказал. Помнишь? Кстати, дорогая, ты всех здесь знаешь?

Карадос говорил, не раздумывая над произносимыми словами, а сам всматривался в собравшихся и пытался понять, ради чего его позвали. Мистер Кэмпион про себя отметил, что ошеломление Джонни вполне естественно, после чего с интересом посмотрел на Эву Сноу.

Та поймала его взгляд и кивнула в ответ. На ее некрасивом, но таком запоминающемся лице появилась знаменитая улыбка. Кэмпиону было приятно убедиться, что перед ним все та же Эва, умеющая даже в простой одежде выглядеть шикарно; отважная женщина с потрясающей фигурой, но обделенная красотой лица, что не мешало ей оставаться одной из любимейших комических актрис мира.

Если у других женщин, находящихся в гостиной, были все основания считать себя красотками, то у Эвы не было ни одного. Однако рядом с ней они блекли. Ее живые, янтарного цвета глаза оценивали каждую и поочередно завоевывали.

Тем временем Карадос знакомил тех, кто до этого не был знаком друг с другом, делая это с непринужденной отрешенностью человека, чьи мысли находятся где-то далеко отсюда. Сьюзен Шеринг, когда ее представили Эванджелине, удивилась, но не слишком, из чего Кэмпион заключил, что они уже встречались раньше. Получалось, что юная миссис Шеринг практически ничего не знала о жизненной истории своего жениха.

Тяжелее всех, за исключением Лагга (но он всегда терялся при обилии гостей), пришлось Дону Эверсу. Честный и прямолинейный человек, каким был лейтенант, сейчас выглядел потеряннным и несчастным. Он по-прежнему стоял рядом со Сьюзен, кивал, когда требовалось, но совсем не улыбался.

Наконец Джон представил жизнерадостную молодую женщину, пришедшую с ним и Эвой, и Кэмпион сразу вспомнил ее имя – Долли Чиверс. Белокурая, настоящая «английская роза», как говорят про таких, энергичная, она покоряла всех своей широкой, искренней улыбкой. Он даже обрадовался ее появлению; по его мнению, сейчас была как раз та ситуация, которая соответствовала ее напористости. Чем раньше это все закончится, тем лучше. Как-никак он должен поспеть на поезд.

Теперь, когда у присутствующих сложилось хотя бы отдаленное представление, кто есть кто, леди Карадос взяла бразды правления в свои руки. Грациозно опустившись в кресло, она достала платочек и тихо заплакала. Джонни и мисс Чиверс поспешили к ней, а к Кэмпиону подошла Эва.

– Дорогой, что тут вообще происходит? – своим знаменитым писклявым голоском спросила она. – Может, пройдем на кухню?

В этом предложении не было ничего странного. Оказавшись в психологически тяжелой ситуации, многие люди инстинктивно находят того, кто меньше всего подвержен общему состоянию, и вместе с ним пытаются поменять обстановку. Кэмпиион провел гостью на кухню, усадил на стул, сам уселся рядом и, закрыв ногой дверь, облегченно вздохнул.

– Все это в высшей степени странно, – добавил он, изложив то, что знал. – Похоже, леди Карадос – одна из тех женщин, у которых свои представления о законности и порядке. Вероятно, это потому, что, когда нынешний министр внутренних дел учился в Итоне, она периодически подбрасывала ему по полкроны. Держу пари, испугавшись впервые в жизни, леди Карадос потеряла голову. И тут ей чертовски повезло выбрать себе в помощники одного из немногих людей, кто в чрезвычайных обстоятельствах способен на нестандартные поступки. Лагт сам не свой до аристократов. Они буквально «ударяют» ему в голову.

– Как и вино... – рассеянно проронила Эва.

Больше не слушая Кэмпииона, она сняла смешную шапочку лавандового цвета, и в сером сумеречном свете вспыхнула золотистая прядь ее волос.

– Альберт, а где находится... это? В соседней комнате?

– На моей кровати, – кивнул мистер Кэмпиион. – Лагт клянется, что было совершено самоубийство. Мне это кажется не лишенным здравого смысла, однако все остальное – просто безумие, причем самого жуткого свойства.

– Еще какое, – согласилась Эва. – Но ситуация опасная. Надо же что-то делать, пока эта история не попала в газеты. Если бы дело не касалось старины Джонни, я бы не возражала: пусть попадает.

Кэмпиион с любопытством посмотрел на актрису, но та не стала вдаваться в подробности.

– А она – милое дитя, не так ли? – заметила Эва. – Вышла замуж в девятнадцать и через неделю овдовела.

– Вы про Сьюзен?

– Угу. Не находите, что все это как-то уж слишком бросает тень на Джонни? Такое жуткое событие. Вы сказали, никто не знает имени бедняжки, однако ее нашли в постели Джонни накануне его приезда и скорой свадьбы.

Мистер Кэмпиион встал. Его насторожили шаги в коридоре.

– На данный момент все так и есть, – подтвердил он. – Но я склонен думать, что история получит дальнейшее развитие.

Осторожно приоткрыв дверь, Кэмпиион выглянул в коридор. В этот момент из спальни, пятясь задом, выходил Джонни – широкоплечий и на удивление солидный в своей синевато-серой форме. За его спиной стояла Долли Чиверс. Вид мертвого тела согнал привычную улыбку с белокожего лица личной секретарши Карадоса. Лагт, взявший на себя роль сопровождающего, по-прежнему находился в спальне. Карадос повернулся и что-то сказал Долли. Она кивнула. Увидев Кэмпииона, Джонни затаил дыхание и прошел прямо на кухню. Вид у него был потрясенный. Чувствовалось, он шокирован, но более всего – встревожен.

– Кто это? – обратилась к нему Эва.

– Ты ее знаешь? – в свою очередь спросил Кэмпиион.

– Да, знаю. – Карадос оглянулся на мисс Чиверс, тоже вошедшую на кухню. – Это ведь та женщина?

Долли Чиверс снова кивнула. Тревога сковала ей рот, мешая говорить.

– И кто же это? – повторила Эва, склонив голову набок и сощулив свои янтарные глаза.

– Ее звали Моппет, – рассеянно проговорил Карадос. – Моппет... Моппет... А фамилия вроде бы Харрис. Нет, Льюис. Правильно: Моппет Льюис. Эва, ты помнишь ее?

– Нет. – Звезда мюзик-холла замялась. – Нет, если только это не та белая ворона, которая... нет. Ой, Джонни!

Карадос беспомощно взглянул на свою давнюю подругу, а когда их глаза встретились, в уголках его рта появилась едва заметная озорная улыбка. Кэмпиону, наблюдавшему за этой сценой, пришло в голову, что все обаяние Джонни скрыто в умении так улыбаться.

– Да, та самая, – признался он. – Если бы не жуть произошедшего, это было бы ужасно смешно. Наконец-то ей удалось...

Эва замотала головой, будто отмахиваясь от его слов, однако и в ее глазах промелькнула смешинка.

– Просто фантастика, – сказала она и повернулась к Кэмпиону. – Когда-то она была всего-навсего безбилетницей. Джонни любил коллекционировать поклонников. Эта Моппет восприняла нашу стаю слишком уж серьезно. Сейчас не помню, кто привел ее в дом, но когда она там оказалась... помню, как Гвенда пыталась ей помешать устроить примерку наших вещей. Она думала, что мы все «нежные и хрупкие» и слова ей поперек не скажем. Она так и говорила, кажется, Питеру. Кстати, а где Гвенда с Питером? Вроде бы сегодня вечером они должны появиться. Или завтра. Впрочем, значения не имеет. Я лишь подумала, что при таком раскладе и им следовало быть здесь... Так о чем я говорила? Что ж, наконец мы избавились от миссис Моппет. Точнее, Гвенда избавилась. Джонни, надеюсь, у тебя с покойницей не было интрижек? – Последний вопрос прозвучал с обыденной прямолинейностью и без манерности.

На мгновение все перенесли в довоенный мир, где подобные интрижки были в моде и на них смотрели сквозь пальцы. Однако Карадос почему-то встрепенулся.

– О чем ты? Разумеется, нет. Быть может, водил ее пару раз на ланч, и только.

– На ланч? Пару раз? Я думала, она всего пару раз появлялась у тебя дома, и мы вели себя с нею довольно грубо. Кстати, не она ли всегда предлагала оптом закупать вещи для нас? Долли, правда, это была она?

– Да, она. Я отлично ее помню. – Мисс Чиверс привыкла говорить открыто. – Немного пронырливая, любопытная и с замашками собственницы. Помню, что ты ее ненавидел.

– Подумаешь, семь лет назад я водил ее на ланч, – пожал плечами Джонни. – Ну не пару раз, а раза три или четыре. – Он говорил твердым, решительным тоном.

Присутствующие на него не смотрели. Эва подтянула к подбородку свои стройные ножки танцовщицы и обхватила колени руками.

– Прежде чем принимать решение, как нам быть, давайте точно выясним, что вообще произошло, – предложила она. – Как вчерашней ночью Моппет пробралась в дом? Или где ее нашли?

– Вот этого-то я и не понимаю, – захватила инициативу Долли Чиверс. – Вчера я была в доме почти до шести вечера. Прежде чем уйти, проверила, все ли в порядке. Думаю, дверь за собой запереть не забыла. Домой отправилась как обычно. Роджерс получил отпуск и требует, чтобы я находилась дома. Слава богу, всего на семь дней. На это время Джонни придется найти другую наседку. Правда, я знала, что Джонни появится только завтра утром... то есть теперь уже сегодня. Слуг в доме не было. Дом оставался пустым. – Долли стояла, раздумывая и хмуря свое крупное, но миловидное лицо. – Утром, когда я пришла, леди Карадос была уже в доме и занималась цветами. В спальню я не заходила. Она сразу дала мне несколько поручений, и я вернулась, уже когда Джонни и ты, Эва, были дома. Как я понимаю, леди Карадос зашла в спальню и увидела эту женщину, а рядом на столике – стакан и пузырек с лекарством. Наверное, у твоей матери, Джонни, случилось кратковременное помрачение рассудка, и она посчитала, что будет лучше, если тело найдут где-то в другом месте. Проще говоря, решила удалить покойницу из спальни. Честное слово, о таком я слышу впервые. Это все воздушные налеты. Люди перестали бояться сумасбродных поступков.

– Ее напугала перспектива скандала, – нахмурился Карадос. – Люди эдвардианской эпохи до смерти их боятся. Это у них в крови. В Викторианскую эпоху точно так же боялись холеры, а мы теперь боимся ядовитого газа. Думаю, это самое скверное, что могло нынче произойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.